

Тан Мочэнь был ребёнком, а Хуа Маньлоу — слепым, поэтому обязанность подкладывать еду Тан Мочэню естественным образом легла на плечи У Чуаня. Когда Тан Мочэнь в очередной раз, даже встав со стула, не мог дотянуться до желаемого блюда и смотрел на У Чуаня с жалобным выражением лица, тому ничего не оставалось, как помочь ему, независимо от его собственного желания.

Если бы не присутствие Хэ Гуна, он, возможно, проигнорировал бы Тан Мочэня. Но теперь вождь сидел рядом, и чтобы сохранить хорошее впечатление о себе, У Чуань был вынужден подкладывать еду ребёнку, делая это с видимым удовольствием. Малейшее проявление недовольства могло испортить его репутацию в глазах Хэ Гуна, и тогда все его усилия за последний год пошли бы прахом.

Тан Мочэнь, казалось, очень полюбил У Чуаня за его помощь. Он сладко называл его дядюшкой и даже положил немного еды из своей тарелки в тарелку У Чуаня. Тот с улыбкой съел подарок и погладил ребёнка по голове.

— Господин Хуа, ваш племянник действительно очарователен.

В присутствии посторонних Тан Мочэнь говорил мало, и ни Хуа Маньлоу, ни Лу Сяофэн не представляли его имени. Поэтому, видя, как Тан Мочэнь привязан к Хуа Маньлоу, Хэ Гун предположил, что между ними должна быть очень близкая связь. Хуа Маньлоу выглядел на восемнадцать лет, а Тан Мочэню было около семи, так что он не мог быть его сыном. Хэ Гун решил, что Тан Мочэнь — сын одного из братьев Хуа Маньлоу, иначе он не был бы так привязан к нему.

— Вождь Хэ, разве вам не кажется, что Сяо Чэнь с его ледяным выражением лица больше похож на сына Симэня Чуйсюэ?

Хэ Гун задумался. Действительно, весь день Тан Мочэнь сохранял каменное выражение лица и говорил только в крайних случаях, что очень напоминало легендарного Симэня Чуйсюэ. Лишь за ужином его лицо оживилось. Лу Сяофэн, хотя и не был широко известен, считался одним из немногих друзей Симэня Чуйсюэ. Поэтому, если он так сказал, это должно было быть правдой.

Услышав слова Лу Сяофэна, У Чуань начал гордиться тем, что Тан Мочэнь ему симпатизирует, и решил, что в дальнейшем будет ещё больше угождать ребёнку. Если сын Симэня Чуйсюэ будет к нему благосклонен, то и сам Симэнь Чуйсюэ, несомненно, окажет ему поддержку.

Хэ Гун с пониманием посмотрел на Лу Сяофэна, а тот, увлечённый наблюдением за игрой Тан Мочэня и питьём вина, даже не заметил, что и Хэ Гун, и У Чуань поверили его словам. Даже если бы Лу Сяофэн знал об этом, он бы не стал развеивать это заблуждение. Более того, учитывая характер Лу Сяофэна, он скорее предпочёл бы дождаться, пока слухи распространятся по всему миру, а затем использовал бы это, чтобы подшутить над Симэнем Чуйсюэ. Так что не только друзья Лу Сяофэна любили посмеяться над ним, но и он сам обожал подшучивать над своими приятелями. Хотя, Лу Сяофэн, ты уверен, что Симэнь Чуйсюэ не возьмёт меч и не отрубит тебе голову за такие сплетни?

Ночью все разошлись по своим комнатам. Хэ Гун, похоже, полностью доверял своим людям и даже не выставил охрану для зерна. Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу не стали возражать, но они уже приняли меры предосторожности, так что не боялись, что У Чуань что-то задумает.

К полуночи все, казалось, крепко спали, и только луна висела в небе. В этот момент из одной из комнат вышел человек. Дверь скрипнула, и он, прислушиваясь к звукам из соседних комнат, убедился, что никого не разбудил. Затем, тихо ступая, он направился к двору, где стояли

повозки с зерном.

Во дворе был слышен только его шаг. Повозки с зерном были накрыты мешковиной. Человек ещё раз огляделся, убедившись, что никого нет, и подошёл к одной из повозок. Остановившись, он достал из кармана трут.

Но когда он собирался зажечь его, внезапно почувствовал головокружение. Он потер виски, покачивая головой, пытаясь прийти в себя. Однако это не помогло, а только усилило ощущение слабости. Его тело обмякло, и он упал на повозку, потеряв сознание. В руке он всё ещё держал трут, который так и не успел зажечь.

На крыше неподалёку Лу Сяофэн наблюдал за происходящим. Убедившись, что человек потерял сознание, он зевнул и вернулся в свою комнату. Чтобы предотвратить любые неожиданности, он прождал всю ночь. Теперь, когда всё было спокойно, он мог наконец лечь спать. А то, что человек на улице может простудиться, его не волновало.

Утром Лу Сяофэна, Хуа Маньлоу и Тан Мочэня разбудил шум. Тан Мочэнь, ещё сонный, был в ярости. Его лицо стало мрачным, и, за исключением Хуа Маньлоу, который не боялся его гнева, и бесстрашного Лу Сяофэна, все остальные инстинктивно отодвинулись от него. Хотя они не понимали, почему их пугает ребёнок семи-восьми лет, они предпочли держаться подальше от опасности. Ведь жизнь важнее всего.

— Вождь Хэ, что случилось?

— Третий лидер У Чуань исчез. Мы уже обыскали множество мест, но не можем его найти.

— Может быть, он вышел?

— Нет, по правилам лагеря, каждый, кто уходит, должен сначала сообщить об этом.

— Вождь, третий лидер найден.

— Где?

— Он спит на повозке с зерном, и...

— И что?

— В руке он держит трут. Похоже, он хотел...

Всё это Хуа Маньлоу и его спутники заранее продумали. Хотя они не позволили Тан Мочэню отравить членов Лагеря Десяти Дымов, но использовать яд, чтобы усыпить или ослабить кого-то, было допустимо, пока это не приводило к смерти. Когда Тан Мочэнь ходил вокруг повозок, он нанёс на мешковину яд. Сам по себе он был безвреден и даже мог бодрить, но в сочетании с другим ядом, который Тан Мочэнь подсыпал У Чуаню за ужином, он превращался в сильнодействующее вещество.

Этот яд быстро вызывал потерю сознания, а после пробуждения человек становился вялым и растерянным. В Крепости Тан его использовали для допросов. Сейчас он как нельзя лучше подошёл для У Чуаня.

Изначально Хуа Маньлоу и его спутники думали, стоит ли самим допрашивать У Чуаня, но это могло вызвать недовольство Хэ Гуна. Однако, похоже, другие члены Лагеря Десяти Дымов не

питали симпатий к третьему лидеру, поэтому, не дожидаясь действий Хуа Маньлоу, они сами начали его подозревать.

Хотя обвинения не были прямо высказаны, но, учитывая, что У Чуань был найден с трупом рядом с повозкой, легко было заподозрить, что он хотел поджечь зерно, но был обнаружен и оглушён. Поскольку это говорил член Лагеря Десяти Дымов, Хэ Гун начал сомневаться ещё больше.

Когда они подошли, У Чуань всё ещё был без сознания, но его уже перенесли на землю. В руке он действительно держал трут. Увидев это, Хэ Гун вспомнил, что Хуа Маньлоу ранее говорил о том, что кто-то намеренно разжигает вражду между семьёй Хуа и Лагерем Десяти Дымов, и его лицо стало ещё мрачнее.

Он приказал разбудить У Чуаня. Тот, придя в себя, выглядел растерянным, но на его лице не было никаких признаков вины.

— Почему ты здесь?

— Чтобы... поджечь зерно.

— Ты! Ты обманул меня насчёт семьи Хуа?

— Да... да.

— Почему?

— Мне сказали ограбить все грузы семьи Хуа, проходящие через эти земли, и обещали три тысячи лян.

<http://bllate.org/book/16231/1458242>